

НАРОДНЫЙ артист Армянской ССР Леонид Енгибаров не нуждается в аттестации. Почетных дипломов и званий лауреата конкурсов (не только отечественных, но и международных) немало в его «послужном списке».

...Эстрадный эксцентрический театр показывает спектакль «Причуды клоуна». Но эти слова не в состоянии передать того, что мы видим на сцене. Это эстрада? Да, лучший ее образец, переросший рамки жанра. А еще — драматическое искусство, театр одного актера, если пользоваться уже придуманным термином. Выразительные средства здесь — сплав древнейших муз: пантомимы и клоунады.

Клоун-мим (или наоборот, не знаю, что главнее в этом сочетании) занимает все сценическое время спектакля. И не просто занимает, а держит в напряжении зрителей от первой до последней минуты. В чем же секрет Леонида Енгибарова?

● На сцене стоит фонарь. Не осветительный прибор, а именно фонарь, какой, может быть, освещал город знаменитых сказочников.

СВЕТ ■ ГОСТИ ТЮМЕНСКОЙ СЦЕНЫ

ВОЛШЕБНОГО ФОНАРЯ

Добрый волшебник прикасается ладонью к его стеклам — и внутри зажигается огонек. Зажигается и гаснет, зажигается и гаснет... Это бьется сердце доброго волшебника.

Этот огонек — как визитная карточка театра, искусства Леонида Енгибарова. И обращается оно к нашему сердцу.

В основе пантомим — необычайная наблюдательность, хорошее знание жизни. Енгибаров отбирает только самые характерные, самые емкие жесты, движения, понятные каждому сидящему в зале.

Вот сценка, называющаяся «На призывном пункте» (подзаголовок ее —



Л. Енгибаров.

«Нах остен»). Здесь все имеет точный адрес и дату — фашистская Германия,

последние месяцы войны, — хотя на сцене нет никакой бутафории. Движение руки Енгибарова, и вместе с его героем мы открываем дверь призывного пункта. Истерично вскинутая рука приветствует фюрера. Герой Енгибарова — инвалид. Будто физически ощущаем мы деревянный стук его протеза. Но это нимало не смущает подручных фюрера. «Добрые» напутствия (разумеется, слова со сцены не звучат), винтовка в руки — и наш герой отправляется на фронт. А вот входит слепой (мы словно видим стенку, по которой скользит его чуткая нервная рука). И этого — на фронт. А вот в финале карапуз, которому тоже вручают винтовку... Так было. И, напоминая об этом, артист направляет сатирическое острие своей миниатюры против сегодняшних милитаристов.

Неблагодарное это дело — пересказывать пантомимы, сыгранные Леонидом Енгибаровым. Потому что невозможно передать словами все многообразие тончайших нюансов его мысли. Сценки вызывают то доб-

рую улыбку («Укротитель», «Штангист»), то уничтожающий смех («В костеле»), а порой заставляют задуматься об истинной ценности «кумиров», которым поклоняются некоторые люди («Популярный певец»).

Артист использует прием, в искусстве не новый: доводит отрицательную черту до абсурда, когда ей не остается ничего иного, как разоблачить самое себя. А уж дальше — дело техники, которая у Енгибарова виртуозна. Это синтез редкой пластичности, (обратите внимание, как красноречиво «говорят» его руки в сценке «На вокзале»), незаурядного мастерства классической клоунады и драматического искусства.

Котелок, тросточка, кургузая жилетка — эти традиционные атрибуты клоуна Енгибаров использует не один раз (мне кажется, они для него, как и цирковая эксцентрика, средства, помогающие пробиться к душе зрителя, к его непосредственности). Однажды он выстраивает из них манекен. Манекен бесплотен. Движение — и он обретает плоть (котелок на голове артиста, жилетка надета и тросточка в руках). Это символично. Не так ли и сам Енгибаров наполняет новой жизнью формы древнего искусства пантомимы и клоунады?

В. ХРЕНОВ.
Фото В. Иванова.